

О. Г. Гордеева

ДВЕ КОЖАНЫЕ МАСКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В собрании предметов быта народов Восточной Сибири, хранящихся в отделе тканей и костюма ГИМ, привлекают внимание две маски. Обе они в составе коллекции, насчитывающей 200 археологических и этнографических предметов, поступили в музей в 1937 г. из Зоотехнического института пушно-сырьевого хозяйства. Маски очень схожи между собой, хотя есть и некоторые различия.

Первая маска¹ (рис. 1), сшитая из двух кусков выделанной оленьей замши (ровдуги) темно-коричневого цвета, имеет форму мешка. Выступающий нос сшит в виде треугольника из той же замши с мехом внутри (для уплотнения). На маске три прорези — для глаз и для рта. Прорези обшиты жгутиком из белых жестких оленьих волос, закрепленным крупными стежками из жильных нитей светло-коричневого цвета. На носу две полосы, прошитые таким же способом. У рта в виде бороды, на месте ушей и на макушке прикреплены пучки длинных светлых жестких оленьих волос. На макушке маска не сшита, а имеет круглое отверстие. Длина маски — 28 см, диаметр нижнего отверстия — 28, верхнего — 10, размеры носа — 13×4, глазные прорезы — 5, ротовая прорезь — 6 см.

Вторая маска² (рис. 2), сшитая из тонкой светло-коричневой ровдуги со вставками из замши охристого цвета, по форме аналогична первой. Выступающий нос в виде треугольника сшит из охристой замши с мехом внутри (для уплотнения). На маске прорезы для глаз и рта. На лбу две полоски жгутиков из белого жесткого оленьего волоса, прошитых оленьими жильными нитками, крупными стежками. Вокруг глаз таким же способом сделана обшивка двойной линией с извивающимся концом. Ротовое отверстие обшито полоской замши (имитация губ), прошито белым оленьим волосом и жильной ниткой. Под нижней губой рыжеватые волоски, имитирующие бороду. На макушке — пучки белого жесткого оленьего волоса. Отверстия на макушке, как у первой маски, нет. Оно зашито охристой замшей. Длина маски — 32 см, диаметр нижнего отверстия — 27, диаметр маски на макушке — 12, размер носа — 6×4, глазные прорезы — 4,5, ротовая прорезь — 6 см.

Согласно типологической классификации А. Д. Авдеева, по способу ношения обе маски могут быть определены как индивидуальные маски-головы, изображающие голову человека или человекоподобного существа и закрывающие ее целиком. А. Д. Авдеев в свое время дал, на наш взгляд, точное и емкое определение этнографических масок. Маска — это специальное изображение какого-либо существа, надеваемое или носимое с целью преобразования в данное существо³. Постараемся проследить по имеющимся в нашем распоряжении этнографическим материа-

¹ Государственный исторический музей (ГИМ) 78649, Е-519.

² ГИМ 78649, Е-518.

³ Авдеев А. Д. Маски (опыт типологической классификации по этнографическим материалам). — В кн.: Сб. МАЭ, т. XVII. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 270, 236.

лам, с каким кругом образов, обрядов, верований связаны исследуемые маски. Но первоначально необходимо уточнить их этническую принадлежность.

Маски поступили в музей с ярлыком, написанным от руки. Надпись гласит: «Маски водяного духа *ьгняннэ*, сделанные из выделанной оленьей шкуры-ровдуги. Этими масками взрослые кочевые коряки пугают своих детей, стоя весной на берегу, а детей в это время выводят из юрты и показывают на маску у реки. Приобретены в 1927 г. у кочевого коряка в бассейне р. Таловка в Пенжинском районе Камчатского округа. К. Бауэрман». Это один из немногих счастливых случаев, когда мы знаем имя собирателя. К. И. Бауэрман был в числе тех, кто проводил Приполярную перепись 1926/27 г. Во время переписи в Камчатском округе собран большой этнографический материал, позволивший опубликовать очерки и обзоры по отдельным районам. В 1930 г., после образования Корякского национального округа и организации Пенжинской культбазы, усиливается работа по изучению коряков. В эти годы К. И. Бауэрман, командированный Комитетом Севера для организации кузнечной мастерской в с. Парень, принимал активное участие в работе культбазы⁴.

Таким образом, запись на ярлыке не случайна. Личность К. И. Бауэрмана, его долголетняя работа среди населения Пенжинского района позволяют положиться на точность определения им этнической принадлежности масок. Это маски коряков-чавчувэнов бассейна р. Таловка. Мы можем даже отнести их к группе ракинниковских или отавпелевских оленных коряков.

Связав кожаные маски-головы с кочевыми коряками, попробуем проследить, есть ли какие-нибудь данные о них в научной литературе. В специальном издании «Маски народов Сибири» (подготовлено С. В. Ивановым), где представлено большинство хранящихся в МАЭ памятников, корякам, чукчам и эскимосам посвящена целая глава. Автор приводит данные о том, что чукотские антропоморфные маски, сшитые из кожи, употреблялись на празднике Кереткуна — хозяина морских зверей. Подобные маски еще в 1930 г. изготавливались и азиатскими эскимосами. Интереснее всего то, что С. В. Иванов со ссылкой на монографию В. Йохельсона упоминает, что оленные коряки пользовались иногда кожаными личинами, изображавшими людоедов⁵.

В книге В. Йохельсона описываются известные ему корякские маски, сделанные из травы и дерева. Маски из травы — это маски-повязки или наголовники, пучки травы, укрепленные надо лбом и спускающиеся почти до пояса, скрывая лицо. Маски из дерева — это маски-личины с прорезями для глаз, носа и рта. Маски антропоморфны, имеют даже индивидуальные черты и антропологические особенности. Бытовали они среди оседлых коряков — охотников на морского зверя. Для нас самое важное, что в труде В. Йохельсона приводится рисунок маски, почти полностью идентичной обоим нашим маскам⁶. Исследователь пишет, что ему не приходилось видеть масок из травы или дерева среди кочевых оленных коряков (за исключением алыторских). Среди оленных коряков на р. Тылхай он нашел только кожаную маску людоеда-кала, которая, по словам коряков, не использовалась ни в какой церемонии. Женщины надевают такие маски, чтобы напугать детей⁷.

Йохельсон и Бауэрман утверждают, что маски используют для устрашения детей, причем Йохельсон считает маску образом духа-людоеда-кала, а Бауэрман — образом водяного духа.

Обратимся теперь к этнографическим материалам по родственным корякам палеоазиатским народам. В. Г. Богораз-Тан в монографии, посвященной чукчам, отмечает: «Мне неизвестно употребление масок на

⁴ Подробнее см.: *Антропова В. В.* Культура и быт коряков. Л., 1971, с. 9, 14.

⁵ *Иванов С. В.* Маски народов Сибири. Л.: Наука, 1979, с. 22.

⁶ *Yochelson W.* The Koryak (Religions and Myths). Leiden — New York, 1905, p. 80, 86, fig. № 63, 89.

⁷ *Ibid.*, p. 86.

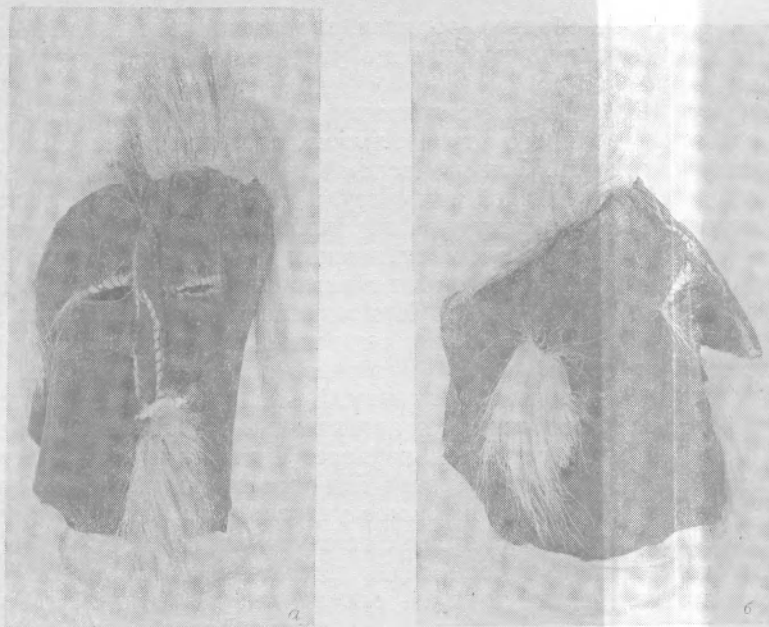

Рис. 1. Кожаная маска «водяного духа» у коряков-чавчуванов: а — вид спереди, б — вид сбоку (ГИМ 78649 Е — 519)

праздниках у чукоч и азиатских эскимосов. У приморских чукоч я, правда, нашел пару масок, сделанных из оленьей шкуры. Они называют их «волосяное лицо». У коряков деревянные маски, употребляемые на некоторых праздниках, называются «деревянными лицами». «Волосяные лица» чукоч, однако, совершенно не связаны с праздниками, по крайней мере в настоящее время. По объяснению владельцев, маски употребляются матерями, чтобы попугать детей и заставить их слушаться. Мать надевает маску и делает вид, что она кель, пришедший за непослушным ребенком»⁸. Рисунок в книге В. Г. Богораза характерными пучками волос на макушке и над глазами, выступающим носом, крупными стежками прошивки весьма напоминает маску, приводимую Йохельсоном, и маски из Исторического музея. Однако чукотская маска сужена к подбородку и, возможно, представляет собой маску-личину, а не маску-голову. К сожалению, по рисунку сказать что-либо определенное затруднительно⁹. В. Йохельсон упоминает в сносках, что эскимосы страны Баффины используют кожаные маски во время праздников, а юкагиры надевают кожаные маски, когда вскрывают умерших шаманов¹⁰. С. В. Иванов свидетельствует, что маски, подобные чукотскому «волосяному лицу», употреблялись как чукчами, так и азиатскими эскимосами¹¹. Авторы трех известных нам источников (запись К. И. Бауэрмана на ярлыке, монографии В. Йохельсона и В. Г. Богораза) связывают антропоморфные кожаные маски с *келет* или *кала*, отмечая, что они служат для устрашения детей.

У В. Г. Богораза мы находим развернутое описание представлений чукчей о *келет*, причем автор специально оговаривается, что они соответствуют корякскому *кала*¹². Как и все представления чукчей и коряков о сверхъестественном, представления о *келет* противоречивы, неопределенны, логически не завершены, непоследовательны. Те же самые

⁸ Богораз В. Г. Чукчи. Религия. Ч. II. Л., 1939, с. 70.

⁹ Там же, рис. 63.

¹⁰ Yochelson W. Op. cit., p. 141.

¹¹ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXII. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 233.

¹² Богораз В. П. Указ. раб., с. 12—14.

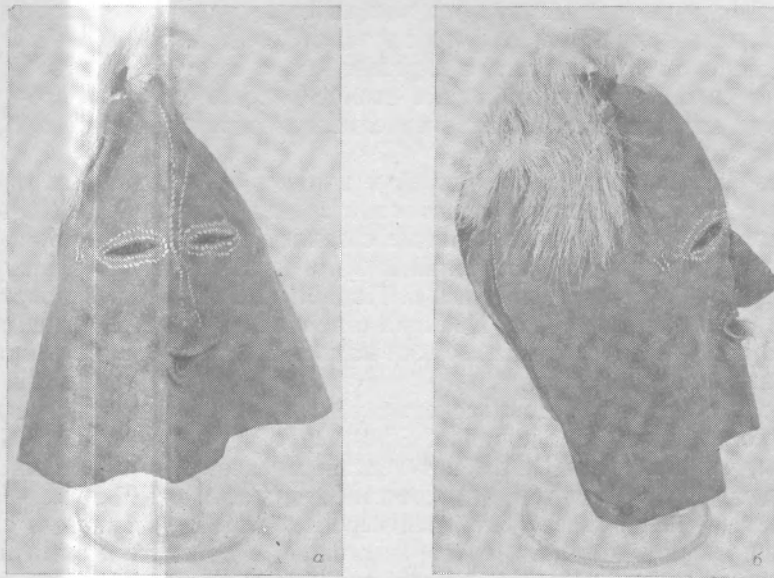

Рис. 2. Кожаная маска «водяного духа» у коряков-чавчуэнов: а — вид спереди, б — вид сбоку (ГИМ 78649 Е — 518)

келет мыслятся то как сверхъестественные существа, то как люди. Они то преследуют людей, то оказывают им содействие¹³.

Для нас важно, что почти все известные нам авторы, касающиеся вопроса об использовании кожаных масок палеоазиатами, отмечают, что это не ритуальные маски, которые надевали во время промысловых или религиозных праздников. Ими пользовались в обыденных обстоятельствах, требующих вмешательства сверхъестественного. Видимо, повлиять на поведение ребенка можно было, только призвав на помощь *кала-келет*, т. е. временно «перевоплотившись» в духа.

Отрывочные сведения К. И. Бауэрмана на ярлыке несколько шире данных, приводимых В. Йохельсоном и В. Г. Богоразом. На наш взгляд, они свидетельствуют о существовании у коряков в прошлом какого-то очистительного или охранительного обряда. Взрослые стоят на берегу, одетые в маски, детей выводят из жилища и показывают им *кала*, находящихся у реки. В связи с этим интересно замечание В. Богораза, что *келет* никогда не приходят с моря, так как, согласно чукотской поговорке, «никакой злой дух не может прийти с моря»¹⁴. В нашем случае действие обряда устрашения детей происходит на берегу реки, у воды. Фрагментарность записи не позволяет понять, изгоняется ли злой дух в воду или вызывается из воды.

Возможно и иное толкование обрядового характера кожаных масок и их назначения. Так, С. В. Иванов предполагает, что «волосяное лицо» чукчей и эскимосов связано с праздником хозяина моря Кереткуна или Косака — хозяина китов.

Он приводит рассказ известного чукотского резчика Вуквола. Во время праздников кожаная маска подвешивалась к главному столбу яранги. Кто-либо из мужчин, хорошо знавший танцы, незаметно выходил из толпы, шел к полке, где лежала одежда, выбирал себе мужскую или женскую меховую одежду и надевал ее. Затем он надевал маску и выходил танцевать. Что именно изображала маска и сам танцующий, Вуквол объяснить не мог. Заслуживает внимания то обстоятельство, что мас-

¹³ Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей. — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976, с. 249.

¹⁴ Богораз В. Г. Указ. раб., с. 13.

ка перед надеванием вешалась на главный (праздничный) столб яранги. Есть основания предполагать, что с этим столбом связывалось представление о морском духе и столб в известной мере олицетворял его. По мнению участников праздника Саяк, в столбе находилось то живое существо, в честь которого устраивался праздник и от которого будто бы зависел успех будущей охоты¹⁵.

Связь «волосяного лица» чукчей и коряков и их кожаных масок из ровдуги с хозяином китов представляется нам сомнительной. Можно предположить, что маски, связанные с заклинаниями духа моря, хозяина китов Кереткуна-Косака, должны были изготавливаться из шкур морских зверей — нерп, тюленей и т. п. Подобные маски существовали. Мы уже приводили данные С. В. Иванова о нерпичьих масках чукчей и эскимосов. В честь праздника кита чукчи наносили татуировку на лица в виде плавников, хвостов кита¹⁶.

Итак, в собрании Исторического музея хранятся уникальные памятники духовной культуры коряков. Если верно утверждение С. В. Иванова о том, что в музеях СССР нет кожаных масок чукчей, эскимосов и коряков, то ГИМ является их единственным обладателем¹⁷.

Кожаные маски-головы, по всей вероятности, были связаны с верой во вредоносных духов *кала-келет*, возможно, с очистительными или охранительными обрядами. Не являясь атрибутом праздников, они использовались в повседневной жизни, когда требовалось вмешательство сверхъестественных сил.

Отрывочность сведений в литературе и источниках об использовании кожаных масок — свидетельство того, что к началу XX в. обряды, связанные с ними, уже уходили из практики населения и забывались. Многие, касающиеся корякских кожаных масок, осталось неясным, скрытым, необъяснимым. Настоящая публикация — первая попытка заставить заговорить столь долго молчавшие памятники древней культуры.

¹⁵ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири, с. 433, 435, 442.

¹⁶ Там же, с. 433.

¹⁷ Иванов С. В. Маски народов Сибири, с. 22.